

□Вступление□осенний дождь таит в себе гибель□

После ухода Наследной наложницы Хуа дворец Цзинжэнь вновь погрузился в гнетущую тишину.

Мерно капала вода из клепсидры, словно ударяя по самому сердцу. И Сю не спешила вновь браться за счётные книги. Она застыла, глядя в окно, бессознательно водя пальцем по тонкому узору на чаше.

Осенняя погода переменчива. Только что проглядывало скудное солнце, как вдруг небо затянуло тяжёлыми тучами. Прохладный ветер пронёсся по галереям, принося с собой сырой запах земли — предвестник ночного дождя.

Бури в глубинах императорского дворца никогда не ограничиваются лишь небесами.

Цзянь Цю бесшумно приказала служанкам приготовить дождевые принадлежности и прибавила огня в светильниках. Жёлтый дрожащий свет вытянул тень И Сю, отбрасывая её на гладкие золотые плиты пола, отчего она казалась ещё более одинокой и непостижимой.

— Ваше высочество, уже поздно. Не прикажете ли подать ужин? — тихо спросила Цзянь Цю.

И Сю отвела взгляд и покачала головой:

— Подождём ещё. — Она помолчала, затем спросила как бы невзначай: — Где изволит почивать нынче государь?

— Докладываю вашей милости, Су Пэйшэн только что передал: государь допоздна читал доклады и сказал, что останется в Зале Воспитания Сердца и не велит никого беспокоить.

Губы И Сю тронула едва заметная улыбка. Никого не беспокоить? Не желает идти в гарем или... намеренно освободил время, дожидаясь каких-то вестей? Она не стала углубляться в размышления и лишь молвила:

— Тогда приготовьте что-нибудь лёгкое, кашу да закуски.

Едва подали угощение, как за пределами покоев зашумел дождь, сперва редкий, затем всё сильнее, барабаны по глазурованной черепице непрерывной дробью, окутывая глубины дворца влажной пеленой.

И Сю неторопливо ела зелёную рисовую кашу, как вдруг снаружи донёсся торопливый, но сдерживаемый звук шагов, резко выделявшийся в шуме дождя.

Голос привратника-евнуха дрожал от испуга:

— Ваше высочество, прибыл Сяо Сяцзы из Зала Воспитания Сердца, говорит, есть срочное донесение!

Цзянь Цю нахмурилась, глядя на И Сю.

И Сю опустила серебряные ложки, взяла платок, промокнула уголки губ — ни малейшего смятения в движениях:

— Пусть войдёт.

Маленький евнух Сяо Сяцзы промок до нитки. Он опустился на колени за порогом, боясь занести влагу во внутренние покои, и голос его дрожал от ночного холода и страха:

— Докладываю императрице! Государь... государь в Зале Воспитания Сердца впал в страшный гнев, разбил чайную чашу и велел... велел взять под стражу старшего евнуха Внутренней придворной управы Чжао и нескольких управляющих из Закупочного ведомства!

Взгляд И Сю мгновенно стал острым, но голос оставался ровным:

— По какому делу?

Сяо Сяцзы стукнулся лбом об пол, дрожа:

— Ваш раб... ваш раб слышал не отчётливо, только уловил, как государь гневно кричал: «Неслыханная дерзость!», «Обманывают верхи и давят низы», «Урезают дворцовое довольствие», «Набивают мошну»... и ещё... ещё упоминали... Главнокомандующего Няня...

Последние слова он произнёс едва слышно, но они прозвучали как гром среди дождливой ночи.

Цзянь Цю затаила дыхание и невольно взглянула на И Сю.

Урезка дворцового довольствия? Да ведь именно об этом днём шум подняла Наследная наложница Хуа! Действия государя — это попутное расследование или... нечто иное? Если замешан Главнокомандующий Нянь, глубина этой топи может утопить кого угодно.

И Сю молчала мгновение; в покоях слышен был лишь шум дождя за окном. На лице её не отразилось никаких чувств, только пальцы рук, лежащих на коленях, слегка сжались, впиваясь в мягкую ткань.

Государь действует быстро. И жестоко.

Неужели ему и впрямь важно, урезано ли довольствие в гареме? Он просто использует этот предлог, чтобы почистить Внутреннюю придворную управу, приструнить род Нянь и даже... проверить реакцию её, императрицы. Вяжись она днём открыто за Хуа — сейчас бы и сама оказалась втянутой в этот водоворот.

Ловкий ход — одним камнем трёх птиц.

— Я поняла, — наконец медленно произнесла И Сю, и голос её не выдавал ни радости, ни гнева. — Ты хорошо справился. Цзянь Цю.

Цзянь Цю сразу поняла намёк, достала тяжёлый кошель и сунула его Сяо Сяцзы:

— Спасибо, что пришли под дождём, господин Ся. Возьмите это, выпейте горячего вина, согрейтесь. А о том, что сегодня...

Маленький евнух поспешно забил челом:

— Ваш раб понимает! Ничего не слышал, ничего не видел! Благодарю за милость! — Он спрятал кошель, снова поклонился и, согнувшись, быстро исчез в пелене дождя.

В покоях вновь воцарилась тишина, но разлилась она холодом, более леденящим, чем дождливая ночь.

— Ваше высочество, этот шаг государя... — в голосе Цзянь Цю звучала тревога.

И Сю подняла руку, останавливая её. Она встала, подошла к окну и уставилась на размытые дождём очертания дворцовых зданий. Дождь шумел мощно, но от этого глубины гарема казались ещё более мёртвыми.

И в этот миг, в отличие от шагов Сяо Сяцзы, слышались другие — сбивчивые, спотыкающиеся, вперемешку с тревожным шёпотом служанок. Они приближались, направляясь прямо к главному залу!

— Ваше высочество! Потише! Дорога скользкая! Дайте доложить! — голос Сун Чжи, почти плачущий.

— Прочь! — донёсся сквозь дождь знакомый, но полный слёз и паники женский крик. — Я желаю видеть императрицу!

Это Нянь Шилань!

И Сю резко обернулась, в глазах мелькнуло быстрое удивление и... едва уловимый интерес. Она пришла. Раньше, чем ожидалось, и куда более растерянная.

Цзянь Цю побледнела:

— Зачем она в такой час? И в таком состоянии!

Но И Сю лишь слегка подняла руку, призывая Цзянь Цю к молчанию. Она оправила и без того безупречный ворот, снова опустилась на тёплое ложе, приняв прежнюю величественную позу, словно не она только что стояла у окна, хладнокровно наблюдая за бурей.

— Просите Наследную наложницу Хуа, — произнесла она ровным голосом, с ноткой уместной заботы. — Ночь дождлива, не дайте сестрице промокнуть.

Бамбуковые шторы снова резко распахнулись.

Нянь Шилань почти ввалилась внутрь. Было очевидно, что она бежала под дождём: причёска растрепалась, мокрые пряди прилипли ко лбу и вискам, тщательно наложенный макияж растёкся от воды и слёз, веки покраснели, подол малинового дворцового платья был забрызган грязью. Вся она являла собой жалкое зрелище — ни следа от вчерашней яркой и гордой красавицы.

Увидев восседающую в полном порядке И Сю, она словно обрела опору, но контраст лишь сильнее подчеркнул её растерянность. Не проронив ни слова, она залилась слезами и с глухим стуком упала на колени прямо на холодные золотые плиты:

— Императрица! Умоляю, спасите вашу наложницу! Спасите род Нянь! — голос её дрожал от отчаяния, в нём не осталось и следа обычной звонкости и живости.

В глазах И Сю своевременно отразились изумление и жалость:

— Что ты делаешь, сестрица? Встань! Цзянь Цю, помоги Наследной наложнице Хуа подняться, принеси чистое полотенце и чашку горячего имбирного чая, чтобы согреться.

Цзянь Цю шагнула было помочь, но Нянь Шилань упрямо осталась на коленях, подняв залитое слезами лицо к И Сю:

— Ваше высочество! Я всё знаю! Государь в ярости, схватил людей из Внутренней управы и сказал... сказал, что они в сговоре с внешними чиновниками, урезали довольствие и набили мошну... Ваше высочество, не собираются ли они оклеветать моего брата? Государь

возненавидел вашу наложницу?

Она говорила бессвязно, очевидно, перепуганная внезапными известиями. Вся её гордость разбилась вдребезги перед абсолютной властью императора.

И Сю всё поняла. То, что весть дошла до неё так быстро и подробно, — вероятно, умысел государя, заставивший её впасть в панику и потерять самообладание. Хороший ход.

Она сама поднялась, подошла к Нянь Шилань, слегка нагнулась и взятым у Цзянь Цю сухим шёлковым платком нежно вытерла воду и слёзы с её лица. Движения были мягкими, исполненными старшей сестринской заботы:

— Что за вздор, — голос И Сю был низким и обладал странной успокаивающей силой. — Государь проводит чистку в Внутренней придворной управе, наводит порядок в гареме. Какое это имеет отношение к твоему брату? И к тебе? Ты — Наследная наложница Хуа, пожалованная самим государем. Если будешь блюсти себя и осторожна в словах, кто сможет поколебать твоё положение?

Её пальцы сквозь платок коснулись ледяной щеки Нянь Шилань. Та вздрогнула, словно впитав от этих пальцев каплю тепла и силы. Она смотрела на И Сю снизу вверх, и в её прекрасных глазах, обычно полных гордости или гнева, сейчас читались лишь полная зависимость и страх:

— Но... но все говорят... что государь в последнее время к моему брату... — всхлипывая, она не могла продолжать.

— Дела государственного совета — не нам, наложницам гарема, обсуждать, — прервала её И Сю, тон стал чуть строже, с оттенком предостережения. — Главнокомандующий Нянь заслужен и многотруден, государь сам рассудит. Если ты сейчас потеряешь голову, разревёшься, явишься во дворец, нарушив этикет, и это дойдёт до государя — вот тогда ты действительно дашь оружие в руки врагам!

Нянь Шилань, ошеломлённая её словами, постепенно затихла, лишь плечи ещё вздрагивали от рыданий. Она была похожа на птицу, промокшую под дождём, потерявшую дом, — жалкую и трогательную.

И Сю смотрела на неё, такую доверчивую и послушную, и чувство власти доставляло ей огромное удовлетворение. Ей нравилось видеть её, прежде воинственную, слабой и беспомощной, и ещё больше нравилось, что эту беспомощность можно успокоить и направить лишь у неё.

Она взяла Нянь Шилань под руку и слегка потянула:

— Вставай. Пол холодный.

На этот раз Нянь Шилань послушно поднялась с её помощью, но, простояв на коленях так долго и будучи напуганной, ноги у неё подкосились, и она едва не упала. И Сю вовремя обхватила её за талию и полу-обняв, полу-поддерживая, подвела к тёплому ложу, усадила.

Их тела соприкоснулись. Холодный запах сандала, исходящий от И Сю, смешанный с лёгким ароматом книжной туши, проник в чувства Нянь Шилань и странным образом успокоил её бешено колотящееся сердце. А от Нянь Шилань поднимался влажный холод и приторный запах её духов, окутывая их обоих.

Цзянь Цю принесла имбирный чай. И Сю взяла его и сама подала Нянь Шилань:

— Выпей, согрейся.

Нянь Шилань взяла тёплую чашку обеими руками, пальцы её всё ещё дрожали. Она маленькими глотками пила пряный имбирный чай; тепло разливалось по телу, но оно не шло в сравнение с тем странным чувством защищённости, которое она испытала в объятиях И Сю.

Дождь за окном не утихал, напротив, казалось, усилился.

И Сю сидела рядом с ней, не говоря ни слова, лишь спокойно смотрела на неё. Взгляд её был глубоким и, казалось, проникал всё насквозь.

Нянь Шилань постепенно успокоилась, к ней вернулся рассудок. Вспомнив своё неподобающее поведение, она почувствовала стыд и тихо произнесла:

— Ваша наложница... утратила должное поведение, потревожила ваше высочество...

— Ничего, — голос И Сю был мягок. — Только о том, что было сегодня, выйдя за ворота дворца Цзинжэнь, забудь. Кто бы ни спросил, говори, что в дождливую ночь не спалось, пришла поболтать со мной. Что до дел Внутренней придворной управы — государь сам решит, не нам в это вмешиваться. Запомни: блюди себя, соблюдай порядок и жди, как всё обернётся.

Её слова были и напоминанием, и предостережением, и установлением границ.

Нянь Шилань, похоже, поняла не всё, но решительно кивнула:

— Ваша наложница поняла, благодарю за наставления. — Она смотрела на спокойный и нежный профиль И Сю в свете лампы, и чувство зависимости и благодарности в ней становилось всё сильнее, почти вытесняя страх перед императором.

Посидев ещё немного, они заметили, что дождь стихает. Сун Чжи, дрожа от страха, ждала снаружи, чтобы проводить свою госпожу.

Нянь Шилань поднялась, чтобы попрощаться. Она уже заметно успокоилась, но глаза всё ещё были красными и опухшими. И Сю велела Цзянь Цю принести свой собственный тёплый плащ и собственноручно накинула его на плечи госте:

— Ночь сырая и холодная, берегись простуды.

Нянь Шилань закуталась в плащ, пропитанный ароматом тела И Сю и её теплом, и у неё защипало в носу, едва снова не брызнули слёзы. Она глубоко посмотрела на И Сю — взгляд её был сложным, полным благодарности за спасение, невыразимой привязанности и смутного, неосознанного чувства.

— Ваша наложница... прощается.

Когда Нянь Шилань ушла, в покоях снова стало пусто и тихо.

Цзянь Цю, убирая следы беспорядка на полу, тихо спросила:

— Ваше высочество, не навлечёт ли такое поведение Наследной наложницы Хуа... неприятностей?

И Сю снова села у окна и устремила задумчивый взгляд в ту сторону, куда ушла Нянь Шилань.

— Неприятностей? — повторила она шёпотом, легонько постукивая пальцем по оконной раме.
— Я меньше всего боюсь неприятностей.

— Слишком острый меч легко ранит хозяина и самого себя. Его нужно постоянно подвергать ковке, чтобы он знал боль и страх, чтобы знал, на кого опереться и чьих слов слушаться.

Дождь постепенно стихал. В воздухе, казалось, ещё витал влажный аромат, принесённый Нянь Шилань, и тот запах отчаяния и паники.

И Сю медленно закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Страх и зависимость жертвы — самый терпкий тайный аромат в холодные ночи глубинного дворца.

<http://bllate.org/book/18894/1846947>